

УДК: 947.084.3(571.6)

Заселение Дальнего Востока в 1918—1919 гг.: проекты, планы, реализация

Анна Сергеевна Заколотная,

младший научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток.

E-mail: zakolodnay@mail.ru

В статье на основе исторических источников, ряд из которых вводится в научный оборот впервые, рассматриваются вопросы, связанные с заселением Дальнего Востока в 1917—1919 гг. С началом Первой мировой войны произошло резкое сокращение переселенческого потока в Амурскую и Приморскую области, а в 1917—1918 гг. переселение сюда практически прекращается. При этом по политическим причинам за переселенцами, следовавшими в дальневосточные области, сохранялось право на получение льготного проездного билета. Революции 1917 г. подтолкнули к поиску новых путей решения колонизационного вопроса. Появляются проекты, в которых пересматривались принципы организации переселенческого дела, предлагались иные варианты его построения. В статье приведены несколько проектов, содержащих предложения по реформированию основ переселенческой политики. Общими для них являлись предложения по разделению всего свободного земельного фонда на категории, в зависимости от готовности к немедленному использованию его для сельскохозяйственных нужд. Участки, требующие значительных финансовых и временных затрат для проведения мелиоративных работ, относились к последней категории и фактически исключались из переселенческого фонда. Желание привлечь на Дальний Восток самостоятельного, способного без государственной поддержки создать собственное хозяйство переселенца, также объединяло указанные проекты. При этом одновременно принимались законы, предоставлявшие право преимущественного устройства и льготы, для определённых категорий населения. В марте 1919 г. такая возможность была предоставлена правительством Колчака военнослужащим, принимавшим участие в борьбе за возрождение России.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Амурская область, Приморская область, переселение, Гражданская война, революция, 1917 год.

Settlement of the Far East in 1918—1919: projects, plans, implementation

Anna Zakolodnaia, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: zakolodnay@mail.ru.

The article on the basis of historical sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, discusses issues related to the settlement of the Far East in 1917—1919. With the beginning of the War I there was a sharp reduction of migrant flow in the Amursky and Primorsky regions, and in 1917—1918, the relocation here practically stops. At the same time, for political reasons, immigrants to the far Eastern regions retained the right to receive a preferential travel ticket. Revolutions of 1917 pushed to search of new ways of the solution of a colonization question. Projects were created in which the principles of the organization of resettlement business were revised, other options of its construction were offered. The article presents several projects containing proposals for reforming the basics of resettlement policy. Common to them were proposals to divide the entire free land Fund into categories depending on the readiness for immediate use for agricultural purposes. Sites requiring significant financial and time expenditures for land reclamation were in the latter category and were effectively excluded from the resettlement fund. The desire to attract to the Far East an independent, capable without state support to create its own economy migrant also united these projects. At the same

time, laws providing the right of preferential arrangement and benefits for certain categories of the population were adopted at the same time. In March 1919, this opportunity was given by the Kolchak government to the soldiers who took part in the struggle for the revival of Russia.

Key words: Russian Far East, resettlement, Amursky region, Primorsky region, Civil war, revolution, 1917.

Первая мировая война и последовавшие за ней революции оказали значительное влияние как на заселение Дальнего Востока, так и на деятельность Переселенческого управления. Средства, выделяемые на финансирование ведомства, постоянно снижались. Так, в 1914 г. сокращение составило около 3,5 млн руб. [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1670. Л. 14, 45]. В 1916 г. было выделено на 5,5 млн меньше, таким образом, бюджет Управления составил 21,5 млн руб. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 3 об.].

Через год после начала войны произошло резкое сокращение числа переселенцев, следовавших в дальневосточный регион. На восток страны в 1915 г. отправились только 28 185 переселенцев и ходоков, что составило 8,4% движения предшествующего года (336 409 чел.) [1, с. 2; РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 110. Л. 1]. В 1916 г. происходит дальнейшее сокращение размеров переселенческого потока до 11 329 чел., что составило всего лишь 3,4% общего числа переселенцев и ходоков довоенного 1913 г. [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 17]. На восток страны в 1916 г. приехала 11 201 семья, и только 23,8% прошли по проходным свидетельствам, остальные следовали без специальных переселенческих документов, по паспортам [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 21]. В Приморском районе в 1916 г. водворились 352 семьи (685 душ мужского пола), а зачислили за собой землю 284 семьи (533 души мужского пола), в Амурском — 430 (1097 душ мужского пола) и 385 (1040 душ мужского пола) соответственно [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 35 об. — 36]. Такое резкое уменьшение числа переселенцев произошло из-за вступления России в войну и последовавшей вслед за этим мобилизацией значительной части мужского населения, из-за прекращения выдачи ходаческих, проходных и льготных проездных свидетельств, возникших трудностей с проездом по железной дороге, общего ухудшения экономической обстановки.

Уполномоченный Министерства земледелия в Амурской области Н. Шуман и Временный заведующий Амурским переселенческим районом В. Рубинский в подготовленной ими объяснительной записке утверждали: Первая мировая, «несомненно, сыграет огромную роль в деле колонизации» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 87. Л. 8]. Одним из последствий войны будет разорение наиболее экономически слабых крестьянских хозяйств в Европейской России, что заставит их искать выхода из ситуации в переселении. Запас свободных удобных земель в Сибири исчерпан, там предлагаются в основном таёжные участки, расположенные вдали от культурных центров и железной дороги. Всё это сделает Амурскую область более привлекательной для переселенцев, так как «...трудности устройства хозяйства в ней компенсируются в значительной степени расположением участков вблизи железной дороги» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 87. Л. 9]. Авторы записки предполагали, что с окончанием войны в область направится большое количество переселенцев. Но этого не произошло: в 1917 г. военные действия продолжились. За 9 месяцев 1917 г. в Амурскую область переселилось лишь 43 семьи (165 чел.) [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 868. Л. 6—39].

Согласно записке «Об общем положении дела в Приморском переселенческом районе» в 1917—1918 гг. переселение в Приморский район было незначительным, только к концу 1918 г. сюда стали прибывать отдельные ходоки и беженцы, при этом последние не стремились получить земельный участок [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 293].

Стоит отметить, что для переселенцев, направлявшихся на восток страны, сохранялась возможность получить льготный билет. Так, в «Дальневосточных известиях» № 72 от 12 мая 1918 г. до сведения переселенцев доводилось, что для получения проездных льготных билетов необходимо иметь два удостоверения: одно от своего сельского общества, другое — от принимающего, т.е. от того, к которому переселенец причисляется. В первом должны быть указаны причины переселения, количество переселяющихся лиц, сумма, вырученная от продажи имущества, и место вселения, во втором — подтверждение того, что принимающее село не возражает и готово принять заявителя в члены своего общества [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 66].

Право на получение билетов по сниженной стоимости сохранялось по политическим причинам за переселенцами и ходоками, направляющимися в Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области и в 1919 г. Льготный проезд предоставлялся ходокам, следующим в эти области для зачисления участков, и семьям переселенцев для водворения на ранее зачисленные участки. Возможность получения таких билетов сохранялась для ходоков и переселенцев, следовавших на Дальний Восток и имеющих при себе документы, подтверждающие право на льготный тариф, но не воспользовавшихся им по причинам от них не зависящим. В исключительных случаях такое право сохранялось для переселенцев, вынужденно покинувших свои участки, но только после внимательного рассмотрения каждой конкретной ситуации [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 368, 379—379 об.; Ф. 810. Оп. 1. Д. 445. Л. 9—9 об.].

Однако добраться до Дальнего Востока было не так просто. 30 апреля 1918 г. Управление делами на Дальнем Востоке Добровольного Флота прислало заведующему переселенческим делом в Приморском районе сообщение, в котором информировало, что заключённый Правлением Добровольного Флота договор с правительством истёк в 1917 г., и, начиная с этого времени, прекращаются перевозки государственных грузов, пассажиров, отменяются все льготы и скидки, ранее предоставлявшиеся переселенцам [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 44].

Часть дальневосточного крестьянства стремилась уехать с Дальнего Востока, о чём свидетельствуют обращения крестьян, желавших переселиться преимущественно в Европейскую Россию или в Западную Сибирь. 8 июня 1918 г. Ольгинская уездная земская управа обратилась к заведующему переселенческим делом в Приморском районе с просьбой указать в этих районах свободные места, а также проинформировать о существующем порядке переселения. В ответном письме П.А. Русанов разъяснил, что правительство не оказывает никакой помощи желающим приехать в Европейскую Россию и Западную Сибирь, поэтому они могут отправиться туда «в порядке частного передвижения» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 97, 101].

Вполне вероятно, что стремление крестьян уехать с Дальнего Востока объяснялось их желанием получить землю в Европейской России или Западной Сибири. Уже в мае 1917 г. Амурскую область покинули более 10 семей именно по этой причине. Так, 3 мая 1917 г. А. Кошевой с семьёй из 7 чел. отправился обратно в Полтавскую губернию: он был уверен, «что отберут землю у помещиков», и спешил к разделу.

А. Бойко решил вернуться в Киевскую губернию, так как «...священник во время присяги Временному Правительству советовал ехать на родину — получать княжеские земли». Отмечено два случая отъезда после получения писем от призванного на войну члена семьи, в которых содержался призыв отправляться «...в Европейскую Россию, чтобы не опоздать к разделу земли» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 727. Л. 7—7 об., 14—14 об.]. На Дальнем Востоке крестьяне оставляли «...налаженные уже хозяйства в расчете на немедленный раздел земель на родине». Заведующий переселенческим делом в Восточном районе Г.П. Иорданский опасался возможного массового ухода переселенцев из Сибири, из-за возможных негативных последствий для экономики страны, так как оставленные крестьянами в Сибири и на Дальнем Востоке земли не будут засеяны, прибывшие же в Европейскую Россию переселенцы осложнят и без того сложившееся там тяжёлое положение, увеличив «...собой число потребителей хлеба, перестав быть его производителями», а кроме того «обременят и без того расстроены транспорт» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 727. Л. 7 об.—8, 14 об.—15]. Министерство земледелия, обеспокоенное данной тенденцией, обратилось к представителям власти на местах с просьбой «...употребить весь их авторитет и влияние на удержание переселенцев от столь необдуманного и вредного шага, как обратное переселение на родину именно в настоящее время» [РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 800. Л. 37], а также поддержало выпущенное Семипалатинским областным исполнительным комитетом воззвание, в котором крестьян призывали «...оставаться на своих насиженных местах, не разорять понапрасну своих хозяйств и не мешать своими бесполезными передвижениями столь нужной в настоящее время работе перегруженных железных дорог и водных путей» [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 727. Л. 17].

В 1918 г. также принимались меры, направленные на предотвращение переселения в Европейскую Россию из восточных регионов страны. В конце апреля 1918 г. Дальневосточный краевой комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов направил во все советы и переселенческие управления Дальнего Востока циркулярное письмо Дальневосточного краевого комиссариата труда и транспорта, в котором сообщалось, что «...въезд в настоящее время в Европейскую Россию ни коим образом не допустим», что ходатайства о предоставлении льготных билетов будут отклоняться. Данная мера была вызвана коллапсом на железной дороге и царящей повсеместно безработицей. Власти опасались, что выдача бесплатных или льготных билетов сократит доходы железной дороги и так испытывающей значительные материальные трудности. Велика была вероятность и того, что распродавшие своё имущество крестьяне не смогут устроиться на новом месте и пополнят и без того широкие ряды безработных [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 114].

Определённые сложности были и с предоставлением вновь прибывшим переселенцам участков. В октябре 1918 г. исполняющий обязанности крестьянского начальника 14 участка обратился к заведующему переселенческим делом в Приморском районе с просьбой помочь ему разрешить сложившуюся ситуацию. Он сообщал, что в книге зачисления занесены граждане, зачислившие за собой земельные доли в 1913—1914 и в единичных случаях 1915—1917 гг., но так и не водворившиеся на них. При этом вновь прибывшие переселенцы обращались к нему с просьбой о разрешении поселиться на этих же участках. В связи с этим он просил сообщить, сохраняют ли за собою право на землю зачислившие в указанные годы лица и возможно ли считать эти

участки открытыми для зачисления и водворения [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 154—154 об.]. В поступившем ответе, подписанным за заведующего П.А. Русановым, указывалось, что согласно отношению Переселенческого управления № 25 от 9 августа 1917 г., земельные участки сохранялись за крестьянами до окончания войны, при этом точных сроков установлено не было. Однако, он полагал возможным вариант, когда 20—25% ранее зачисленных участков будут отданы вновь прибывшим переселенцам, а остальные будут сохранены за прежними владельцами [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 155—155 об.].

В это же время неоднократно поднимался и рассматривался вопрос о том, какими должны быть переселенческие участки, а также кому они должны предоставляться. Согласно распоряжению управляющего министерством земледелия и колонизации от 10 сентября 1918 г. при включении участков в колонизационный фонд необходимо принимать во внимание их «пригодность» для устройства переселенцев, что в дальнейшем позволило бы предотвратить случаи переводворения и тем самым свести к минимуму материальные потери переселенцев. Запрещалось отдавать под заселение участки по тем или иным условиям необходимые инородческому или старожильческому населению. Подчёркивалось, что из-за ограниченности размеров колонизационного фонда наделы, по возможности, должны предоставляться выходцам из одной губернии, «...сплоченным между собою в достаточной мере», так как это даст возможность избежать конфликтов как между самими переселенцами, так и между переселенцами и местным населением [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 180—180 об.]. В декабре 1918 г. Отдел колонизации министерства земледелия предложил отказаться от выдачи домообзаводственных ссуд на прежних условиях [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 241]. При этом домообзаводственные ссуды перестали выдаваться гораздо раньше. Так, заведующий переселенческим делом в Амурском районе С.П. Каффка сообщал, что некоторые переселенцы остались «...совершенно неудовлетворенными ссудами ни Переселенческим Управлением, ни за время советской власти» [РГИА ДВ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 445. Л. 8]. Он также отмечал, что просил выделить 100 тыс. руб. для удовлетворения ссудами данных переселенцев, однако ответа на этот запрос получено не было, как не было переведено и никаких средств, а на состоявшемся в 1919 г. совещании заведующих переселенческими районами в г. Омск было объявлено, что «...отпуск ссудного кредита в текущем году ожидать нельзя».

Первая мировая война и последовавшие за ней революции послужили определённым толчком к поиску и обсуждению дальнейших путей развития Дальнего Востока. Переселенческий или как его часто называли в то время колонизационный вопрос достаточно регулярно обсуждался чиновниками различных ведомств, представителями часто сменявшейся власти. В сентябре 1918 г. заведующим Амурским переселенческим районом С.П. Каффка представлен доклад, озаглавленный «К вопросу о дальнейшем направлении колонизационных работ». В нём он высказал своё негативное отношение к захвату власти большевиками, что привело к разложению «темных невежественных народных масс», полному развалу экономики страны, за счёт «своеобразного народного строительства» социализма, с использованием национализации, реквизиций, экспроприацией «частных и общественных ценностей» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 59]. Однако, по его мнению, долго это продолжаться не может, так как народ, «...обманутый заманчивыми лозунгами отрезвляется и

постепенно, но определённо отказывается слепо следовать за безответственными демагогами преследующими или свои узко-партийные интересы и цели, далекие от истинных интересов русского народа, или же работающими предательски по указке из Берлина и давшими в результате повсюду террор». Поэтому он был уверен в том, что в ближайшем времени будет установлена «твёрдая» власть, которая установит в стране порядок, основанный на соблюдении законов, и позволит населению вернуться к «мирному труду». В связи с чем необходимо провести предварительные работы для решения аграрного вопроса и связанных с ним переселенческого и колонизационного. Он отмечал, что решение этого вопроса в «упрощённом порядке» за счёт национализации и экспроприации было проведено совдепами и земельными комитетами «большевистского состава» в Европейской России и Сибири. В результате «высококультурная сельская хозяйства» частных лиц, монастырей, государственные оброчные статьи и имения были захвачены соседними жителями, разграблены, сожжены, племенной скот, ценный сельскохозяйственный инвентарь уничтожен, а земли поделены между отдельными семьями или лицами, зачастую по праву «наиболее сильного». При этом крестьянство, получившее в свои руки желаемое, не смогло использовать это для развития и улучшения своих личных хозяйств, наоборот, «...развал экономической жизни сельского населения достиг апогея». Именно поэтому земельные комитеты должны приступить к урегулированию аграрных споров, нередко переходящих в «кровавый побоища», чтобы в дальнейшем аграрный вопрос был окончательно решён Учредительным Собранием.

С.П. Каффка подчёркивал, что не менее важно и рассмотрение переселенческого вопроса. Переселенческое движение, временно остановившееся с началом войны с Германией, с начала 1918 г. постепенно начинает увеличиваться, и его рост сдерживается только значительными проблемами в железнодорожном сообщении. По свидетельству С.П. Каффки большинство прибывших из Европейской России крестьян в качестве причин, подтолкнувших их к переселению, называли: поиск мирной жизни с гарантией личной и имущественной безопасности, возможность спокойно заниматься сельским хозяйством [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 60]. При этом он обращал внимание на то, что имеющийся в Сибири свободный земельный фонд на 75% относится к категории «мёртвого», где устройство возможно лишь после проведения ряда мелиоративных работ по обводнению, осушке, корчевке и др., которые требуют как значительных финансовых, так временных затрат. Поэтому он настаивал на необходимости проведения, после восстановления «нормальной государственной и гражданской жизни», деления всего свободного фонда на четыре категории. К первой категории отнести земельные доли, где водворение крестьян возможно без проведения мелиорации, и только на них разрешить переселение. Во вторую — должны войти земли, заселение которых допустимо после проведения незначительных работ, причём их производство должно начаться как можно в более короткие сроки, так как это позволит значительно увеличить фонд «вполне надежных земельных долей». В третью категорию будут отнесены участки, требующие значительных финансовых затрат на мелиорацию, в четвёртую — будут включены земли из так называемого «мёртвого фонда», заселение которых не только требует вложения большого количества денежных средств, но и является экономически невыгодным из-за их отдалённости от населённых центров, рынков сбыта, железнодорожных путей и дорог [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652.

Л. 60 об.]. При этом он считал, что приступать к заготовлению новых переселенческих участков нет необходимости, так как весь «солидный и надёжный земельный фонд уже использован работами прежних лет». С.П. Каффка предполагал, что в областях и губерниях Сибири обязательно найдутся свободные земельные доли среди земельных отводов русского и аборигенного населения, и особенно на территориях казачьих войск. Изъятие излишков земель у последних, по его мнению, возможно только после проведения землеустройства казачества, что необходимо сделать как можно в более короткие сроки. До этого водворение здесь переселенцев может быть разрешено только в случае получения последними приёмных приговоров.

Кроме того для того чтобы предотвратить и ослабить массовое движение переселенцев в Сибирь, Управление делами главного земельного комитета должно проинформировать население Европейской России о том, что в Сибири практически отсутствуют значительные свободные земельные площади, пригодные для сельского хозяйства, без проведения на них предварительных мелиоративных работ. Поэтому переселенцы должны иметь значительные собственные денежные средства и рассчитывать только на свои собственные силы, а не на помощь государства. Помимо этого должны приниматься меры для развития «общественной самостоятельности» населения, главным образом поощрение создания сельскохозяйственной «кооперации», трудовых артелей и обществ. Важный колонизационный вопрос, включающий все стороны социально-экономической жизни населения, должен быть решён Учредительным Собранием с учётом мнения всех заинтересованных слоёв населения. Однако нельзя допустить варианта, чтобы его рассмотрение шло с позиции «местных сепаратных интересов» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 62]. С.П. Каффка предлагал, чтобы колонизационный отдел при министерстве земледелия взял на себя сбор подготовительного материала и на основе его выработал план дальнейших мероприятий. Для этого, по его мнению, необходимо создать при министерстве земледелия специальный Центральный колонизационный совет, в состав которого должны войти представители всех ведомств, городского и земского самоуправления, губернских и областных земельных комитетов, Центрального статистического бюро, Биржевого комитета, а также сельскохозяйственных и профессиональных обществ. В каждой губернии и области должны быть созданы особые районные колонизационные комитеты. Всё это позволит рассмотреть данный вопрос как в центре, так и на местах, и тем самым он будет передан Учредительному Собранию уже «...всесторонне выясненным и разработанным в истинных интересах всей страны, с его сложной психологией народно-хозяйственного уклада русской жизни» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 62 об.]. Кроме этого должны быть пересмотрены все распоряжения, касающиеся вопросов переселения. Распоряжения, признанные не соответствующими интересам дела, должны быть отменены. Чиновники Переселенческого управления должны ликвидировать нарушения, возникшие в результате действий советской власти. Прежде всего, восстановить записи в регистрационных книгах и тем самым выяснить колонизационную ёмкость земельных участков, размеры ссуд и пособий, полученных каждой переселенческой семьёй, разработать план дальнейших действий на оказание государственной помощи данному населению. Последнее, подчёркивал С.П. Каффка, сделать особенно важно, учитывая тот факт, что отдельные переселенческие районы благодаря особым «ходатаям» перед областными продовольственными комитетами,

получили продовольствия и семенных ссуд на суммы в несколько сот тысяч рублей, которые впоследствии были израсходованы без контроля населения и «без всякой для него пользы». Именно поэтому, несмотря на получение таких колоссальных ссуд и пособий, население по-прежнему «нищенствует» и нуждается в государственной помощи [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 652. Л. 62].

До определённой степени схожие предложения были представлены в направленном 18 декабря 1918 г. Временным сибирским правительством заведующим переселенческими районами циркуляре, посвящённом будущему развитию Сибири. В данном документе подчёркивалось, что природные богатства региона практически не используются, однако в ближайшее время ситуация радикально изменится, и Сибирь «...будет пробуждена от своей экономической спячки и втянута в мировой хозяйственный оборот» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 251]. Здесь сосредоточены запасы нефти, железа, угля, леса, но всё это из-за отсутствия промышленности и внутренних рынков сбыта вывозится за границу по низким, убыточным ценам. Изменения в благоприятную сторону возможны только при нахождении здесь достаточного количества рабочих рук, поэтому будущее развитие Сибири связывали с заселением региона, а, следовательно, и разработкой новых основ колонизационной политики. Предполагалось отказаться от прежней политики, «...построенной на нездоровых благотворительно попечительных началах и являвшейся в известной мере орудием аграрной политики Центрального Правительства» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 251 об.]. Государство должно «...предоставить частной инициативе широкий простор в деле использования природных богатств», а на себя взять роль регулятора частных интересов с общественными и государственными. Колонизация должна проводиться без ущерба интересов местного населения, а работы, с нею связанные, должны затрагивать только свободные земли, не являющимися необходимыми для развития хозяйства данного населения. В условиях тяжёлого финансового положения страны и отсутствия средств на подготовку колонизационного фонда для немедленного заселения, предлагалось привлечь для этого частный капитал, создав для него привлекательные условия. В качестве переселенцев предлагалось привлекать только «...вполне надёжных сильных духом и экономически крепких засельщиков» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 252]. Для разработки более подробной программы колонизации Министерство земледелия и колонизации потребовало предоставить следующую информацию. Прежде всего, определить, хотя бы приблизительно количество свободных для заселения земель, а также указать меры, способствующие «прочному заселению». Кроме этого должны были быть предоставлены подробные ответы на следующие вопросы: где строительство дорог будет способствовать заселению, какие необходимо провести мелиоративные работы, возможно ли допустить иностранцев к переселению, если да, то на каких условиях, определить размеры земельных наделов, необходимость сохранения льгот и их виды, а также необходимые виды промышленности [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 252]. Причём в большинстве вопросов требовалось также указать, какая часть необходимых работ может быть проведена за счёт государственного финансирования, а какие за счёт привлечения частных инвестиций. Территория, пригодная для заселения в будущем, должна быть разделена на три категории: местность, где уже проводились подготовительные работы, местность, где их не было, и пространства предположительно годные. Уже

заготовленный колонизационный фонд должен быть также разделён на три категории: к первой относились участки, готовые к немедленному заселению, ко второй — требующие предварительного проведения межевых или мелиоративных работ, к третьей — непригодные для заселения по естественным или экономическим условиям или исключённые из фонда по решению Земельных советов из-за заинтересованности в них местного населения [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 252 об.]. Все эти данные необходимо было предоставить в министерство к 15 января 1919 г.

Своё видение будущего Дальнего Востока изложил и заведующий водворением переселенцев в Хабаровском подрайоне в письме, направленном им заведующему Приморским переселенческим районом [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 411]. Он отмечал, что циркуляром № 954 колонизационного отдела Временного правительства предусматривалось изменение колонизационной политики путём перехода от сельскохозяйственного освоения Сибири к её промышленному развитию за счёт использования природных богатств. По его мнению, большинство изложенных в документе положений также справедливы как ко всему Дальнему Востоку в целом, так и для северной части Приморской области, где возможности для сельского хозяйства практически исчерпаны. «Ссудно-поощрительная колонизация», как отмечалось в документе, привела к тому, что сюда приезжали «имущественно слабые засельщики», не обладающие даже нужным числом членов семьи. Кроме того многие переселенцы в большинстве своём ничего не знали о природно-климатических условиях Дальнего Востока. Он предполагал, что по ряду причин в течение ближайших 10—15 лет массового движения крестьян сюда ожидать не следует. Большинство крестьян представляет себе Европейскую Россию «необъятной по земельному простору», полагая, что освободившихся помещичьих, казённых, удельных и иных видов земель будет достаточно для наделения ею всех желающих. Действительность, конечно, будет отличаться от этих предположений: часть крестьян сможет получить землю, другим же придётся по истечении времени убедиться в ошибочности своих представлений. Данный факт, несомненно, будет являться сдерживающим фактором для заселения дальневосточных областей. Сокращение числа населения из-за Первой мировой войны и «гражданской междоусобицы», также скажется на уменьшении числа переселенцев. Кроме того, вполне ожидаемо отрицательно отразятся на переселении снижение естественного прироста населения, тяжёлая экономическая ситуация в стране, а также нарушенное транспортное сообщение [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 412]. Эти 10—15 лет «затишья» заведующий предлагал использовать для проведения ряда подготовительных работ и развития промышленности, прежде всего лесной. В Хабаровском уезде сосредоточены значительные запасы леса, при этом используется лишь их незначительная часть рядом с железной дорогой и вдоль притоков рек Уссури и Амура. Для привлечения частного капитала в эту отрасль, необходимо провести обследование естественных богатств уезда, прежде всего лесных, рыбных и залежей каменного угля [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 412—413]. При этом он настаивал, что возможность «эксплуатации естественных богатств» не только обеспечит местное население, но и привлечет переселенцев, способных устроиться без ссуд и пособий, так как спрос на рабочие руки, благодаря развитию промышленности, будет превышать предложение. Казачьи земли уезда также должны быть использованы для целей колонизации. Эта территория остаётся слабозаселённой, несмотря на то, что здесь,

благодаря наличию луговых пастбищ благоприятные условия для скотоводства. Подчёркивалось, что пятый войсковой округ согласился с необходимостью уплотнения населения казачьей полосы [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 414—415].

Всего в докладе приведены 7 пунктов, в которых перечислены необходимые для развития уезда мероприятия. Прежде всего, необходимо продолжить проведение дорог, особенно в северной части уезда, где их отсутствие сдерживает заселение новых переселенческих участков, а также в районах возможной разработки каменного угля. Для развития лесной отрасли необходимо строительство железной дороги, хотя бы узкоколейной, а также развитие водного транспорта [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 416]. Создание условий для развития лесной, рыбной и каменноугольной промышленности в Хабаровском уезде, связывалось с проведением необходимых исследований, которые позволили бы на рациональной основе подойти к освоению этих ресурсов [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 417]. Переселенческие участки требуют проведения мелиоративных работ: осушения и расчистки от леса. При этом если расчистку можно провести за счёт привлечения частного капитала, путём развития лесной промышленности, то в случае с гидротехническими работами рассчитывать на это нельзя, так как «...осушительные работы дают слишком поздно результаты, что для частного капитала не применимо». Предлагалось сохранить существующий порядок наделения землёй, иначе можно ожидать осложнение решения аграрного вопроса [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 417—418]. Норма наделения землёй должна остаться прежней: 15 дес. на мужскую душу, уменьшение её особенно для лесных участков будет нежелательным, а в увеличении нет необходимости, так как нередко часть земли в течение десятилетий остаётся необработанной и не используется в хозяйстве. Льготы для переселенцев предлагалось отменить хотя бы временно, а ссуды на домообзаводство направлять на мелиорацию, распашку и строительство домов [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 418]. Автор выступал за сохранение иностранной иммиграции, так как корейцы, составляющие основную массу приезжих, отличаются большим трудолюбием, применяют наиболее подходящие для местного климата и почвы способы обработки, тем самым являясь примером для русских переселенцев [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 418].

Несмотря на желание иметь на Дальнем Востоке переселенцев, способных самостоятельно устроиться здесь, отдельным категориям населения были предоставлены особые условия. Так, согласно распоряжению Верховного уполномоченного в 1919 г. право преимущественного устройства на переселенческих участках было предоставлено «...увечным воинам и воинам, возвращающимся из плена» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 344а]. А 14 марта 1919 г. был принят закон, подписанный адмиралом Колчаком «О предоставлении военным служащим русской армии и флота, принимавшим участие в борьбе за возрождение России, преимуществ и льгот в отношении земельного и хозяйственного устройства» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 385; Ф. 810. Оп. 1. Д. 445. Л. 17]. Данный закон распространялся на военнопленных строевых частей (офицеров, подпрапорщиков армии и кондукторов флота, солдат, матросов и морских стрелков строевых частей), принимавших непосредственное участие в боевых действиях за возрождение России, военнопленных нестроевых частей, а также на врачей, чиновников и священников строевых частей армии и флота, если они получили ранения, контузии или особо отличились при тех же боевых действиях и

награждены георгиевскими медалями и крестами, на семьи (жена и дети), погибших в бою, участников борьбы за возрождение России [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 387; Ф. 810. Оп. 1. Д. 445. Л. 18]. Оговаривалось также, что в случае нахождения военнослужащего в рядах армии или флота, его семья могла обратиться за получением земельного участка, не дожидаясь его возвращения, при условии предоставления отзыва от начальства о доблестной службе. Кроме того, семьи, имевшие в своём составе более пяти членов мужского пола, могли ходатайствовать о получении двух единоличных участков [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 391]. Срок действия закона был ограничен десятью годами. В течение этого времени указанные категории имели преимущественное право устройства на всех открытых для водворения переселенческих участках и исключительное право устройства на особых участках, предоставленных министерством земледелия непосредственно данным военнослужащим и их семьям. Земельные участки предоставлялись им в собственность, но только после получения удостоверения о том, что они завели там своё земледельческое хозяйство и прочно устроились [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 391]. Они могли бесплатно получить из казённых дач лес, необходимый для возведения построек, и приобрести с рассрочкой платежа на два года сельскохозяйственную технику и инструменты из запасов министерства земледелия [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 386; Ф. 810. Оп. 1. Д. 445. Л. 17 об.]. Заявление о предоставлении участка с приложением необходимых документов военнослужащие (или их семьи) должны были подавать заведующему переселенческим делом в той губернии или области, где они желали поселиться [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 425 об.]. По возможности в заявлении также должен быть указан участок или, в крайнем случае, подрайон или уезд, где проситель хотел бы получить землю [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 389]. Кроме того они были обязаны предварительно лично или через уполномоченное ими лицо осмотреть участок. Военнослужащие или их семьи обязаны были водвориться в течение года, если имелись кандидаты на участок, если таковых не было, то срок продлевался ещё на один год [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 391; Ф. 810. Оп. 1. Д. 445. Л. 19 об.].

15 мая 1919 г. состоялось заседание Амурского областного по земельным делам совета. На нём присутствовали: председатель Областной земской управы А.Н. Алексеевский, и.о. управляющего государственного имущества А.А. Строгий, заведующий земельным отделом Земской управы А.В. Строжев, заведующий переселенческим районом С.П. Каффка, представитель благовещенского городского самоуправления В.Н. Лазарев, областной землемер Н.М. Болгов, представитель министерства финансов податный инспектор Шабалин, а также ряд лиц с правом совещательного голоса. На данном совещании обсуждался ряд вопросов, одним из которых было рассмотрение списка переселенческих участков, предназначенных для сдачи в аренду и участков, предназначенных для наделения военнослужащих в рамках закона от 14 марта 1919 г. Заведующий переселенческим делом в Амурском районе С.П. Каффка доложил, что землеотводный отдел подготовил два списка наиболее ценных участков общинного и единоличного пользования, расположенных в наиболее благоприятных экономических, почвенных и климатических условиях. В первый список вошли 9 переселенческих участков, площадью 51 241 дес., и 4 хуторских, площадью 5882 дес., во второй — 7 переселенческих, общей площадью 31 458 дес., 36 — хуторских, площадью 45868 дес., 11 — отрубных, площадью 16 311 дес. и один участок в

2673 дес., предназначенный для продажи. Включённые в первый список участки предназначались исключительно для водворения военнотружущих, во второй — для военнотружущих и для сдачи в долготручную аренду [РГИА ДВ. Ф. 810. Оп 1. Д. 445. Л. 21, 22]. С.П. Каффка объяснил, что из-за ряда происшедших в жизни района событий деятельность переселенческих подрайонов всё ещё находится в стадии восстановления, поэтому отсутствуют точные сведения о свободных и занятых участках, из-за чего, в конечном итоге, не удалось разделить участки на предназначенные для военнотружущих и для сдачи в аренду, что и нашло отражение во втором списке. Однако, уверил он, по получении окончательной информации с мест в Земельный Совет будет направлена ведомость участков. В результате Амурской областной по земельным делам совет согласился с высказанными в докладе положениями, утвердил представленные списки, а указанные в них участки закрыл для дальнейшего водворения переселенцев [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 22 об.—23].

Таким образом, из-за вступления России в Первую мировую войну, революционных событий в стране произошло резкое сокращение количества переселенцев, направлявшихся в Приморскую и Амурскую области. Наметилась тенденция к пересмотру принципов переселенческой политики. Будущее Сибири и Дальнего Востока связывалось с промышленным освоением и привлечением сюда самостоятельных, способных устроиться без государственной поддержки переселенцев. Высказываемые идеи нельзя рассматривать как нечто принципиально новое. В предыдущие годы также делались попытки привлечь сюда население, обладающее достаточными личными материальными средствами и способное водвориться здесь за счёт только их использования. При этом для отдельных категорий населения вводились льготные условия переселения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. Петроград: Типография М.П. Фроловой (влад. А.Э. Коллинс), 1916. 400 с.
2. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).
3. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. *Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1915 g.* [Resettlement and land development beyond the Urals in 1915]. Petrograd, Tipografija M.P. Frolovoj (vlad. A.Je. Kollins) Publ., 1916, 400 p. (In Russ.)